

Воспоминания о Н.В. Глотове

Вячеслав Вениаминович Тараканов

д.с.-х.н., директор Западно-Сибирского отделения Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН - филиала ФИЦ КНЦ СО РАН, профессор кафедры селекции, генетики и лесоводства НГАУ

На службе Науке и Отечеству (памяти Учителя)

Связь «Учитель-ученик» - сущность всех эволюций.

(Индийская мудрость)

В диссертации Николая Васильевича Глотова есть замечательные строки о его Учителе Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском: «Он сделал меня способным к науке». То же самое мы – его благодарные ученики - можем сказать о нашем дорогом Учителе – Николае Васильевиче. Показательно, сколько людей науки, включая учеников Николая Васильевича, и с какой болью отозвались на его уход из жизни. Не каждого ученого так провожают! Благодаря опубликованным статьям-воспоминаниям ещё больше осознаёшь масштаб личности Николая Васильевича. И этот масштаб настолько велик, что некоторые важные качества Николая Васильевича как Человека, Воспитателя и Исследователя пока недостаточно освещены. Наша святая обязанность - по мере сил восполнять этот пробел. В этом воспоминании я акцентирую внимание на тех качествах нашего Учителя, которые характеризуют его как выдающегося научного Наставника.

Мечтающая о науке молодёжь всегда тянулась к Николаю Васильевичу. Когда в 1979 г. я поступил в аспирантуру на кафедру генетики и селекции Ленинградского университета (ЛГУ), под руководством Николая Васильевича уже работали над кандидатскими диссертациями его очередные ученики Л.А. Бондаренко и В.В. Гриценко, а также М.Г. Пешева из Болгарии. Вместе со мной и моим сокурсником В.В. Тишкиным у Николая Васильевича было на тот момент 5 (!) аспирантов. При этом он читал лекции, заведовал лабораторией в Биологическом институте, активно публиковался в ведущих Российских журналах, участвовал в различных научных конференциях и был секретарём партийной организации.

Несмотря на гигантскую загруженность, Николай Васильевич полноценно занимался своими многочисленными учениками, неуклонно насыщая знаниями и постепенно превращая нас в будущих исследователей. На первоначальном этапе обучения главное внимание он уделял освоению методик и умению работать с литературой. Интересы Николая Васильевича были очень широкими, и он не боялся новых объектов. Для их углубленного изучения и достижения первой цели он привлекал матёрых специалистов из круга его ближайших коллег. Мне, например, посчастливилось пройти стажировку по измерению морфометрических признаков насекомых в МГУ у известного специалиста в области эволюционной морфологии А.Г. Креславского. Лишь после полного усвоения методик мы допускались к экспериментальной работе.

Столь же пристальное внимание на методику исследований Николай Васильевич обращал и при изучении литературы. На организованных им постоянно действующих семинарах по анализу научных статей он добивался от нас, прежде всего, четкого понимания этого аспекта работы, считая его определяющим для понимания реферируемой статьи. Николай Васильевич был сторонником западной системы подготовки к кандидатскому экзамену по специальности, которая заключается в проработке по возможности всей имеющейся в мире литературы по 10-12 узким направлениям, относящимся к теме диссертации. Он говорил: «Какой смысл устраивать

аспиранту очередной экзамен по учебникам? Пусть расскажет о последних достижениях, чтобы и членам комиссии было полезно».

На экспериментальной стадии нашего обучения Николай Васильевич переключал внимание на отработку навыков анализа данных, в т.ч. умению творчески использовать методы биометрии с целью выявить скрытые закономерности в результатах. Будучи учеником по статистике Н.В. Лучника, имея дополнительное математическое образование и тесно сотрудничая с профессиональным математиком и биометриком Л.А. Животовским и другими специалистами, он непрестанно совершенствовался в этой области и по мере возможности передавал свои знания студентам и нам. У меня, например, до сих пор хранится конспект его замечательной лекции об иерархическом дисперсионном анализе. Помню, как в поезде по пути на конференцию мы с Николаем Васильевичем всю ночь пересчитывали на калькуляторе результаты дисперсионного анализа из-за подозрения в ошибке во вводе данных. Он был страшно рад, когда я, наконец, нашёл опечатку в одной из цифр. Ни в науке, ни в жизни Учитель не терпел фальши.

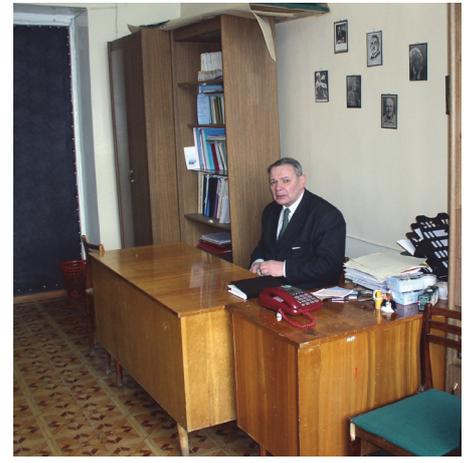
Обучая нас искусству написания научных статей, Николай Васильевич рассказывал о том, как, работая над его первыми тезисами объёмом на 1 стр., он забил всю урну для бумаг порванными листами с неудачными вариантами.

Николай Васильевич был непревзойдённым оратором. Помню своё изумление при виде того, как он, поднимаясь на трибуну для пленарного доклада, прихватил с собой вместо текста доклада маленькую карточку, на которой было написано от руки около 3-х строчек. В каждой из них было по паре слов с многоточиями. Примерно получасовой доклад был, как всегда, великолепен. На мой вопрос о том, как такое возможно, он привёл в пример Н.В. Тимофеева (в разговорах «не для прессы» он всегда так сокращённо произносил фамилию своего Учителя). По его словам свой первый доклад на немецком языке Николай Владимирович репетировал перед зеркалом с часами, повторив его наизусть примерно 10-12 раз. После этого необходимость в «тренаже» перед докладами у него полностью отпала.

Приведенными примерами Николай Васильевич подчеркивал необходимость постоянно и осознанно трудиться. На наши возражения о дефиците времени он полушутя цитировал М.Зощенко - «надо быстрее спать». Касаясь в этой связи проблемы творческих «озарений», он вспоминал, что при работе над кандидатской диссертацией уравнение зависимости частоты хромосомных мутаций от интенсивности облучения приснилось ему практически в готовом виде. Возможность таких озарений он связывал с предельным творческим напряжением. Также он говорил: «если не получается, то надо на себя как следует разозлиться».

Николай Васильевич владел такой силой убеждения, что порой складывалось впечатление, что он использует гипнотические способности, втягивая нас в работу. При этом его главными методами посвящения учеников в науку были, на мой взгляд, следующие. Во-первых, он заставлял нас самостоятельно «помучиться» над решением какой-нибудь задачи. А затем демонстрировал, как она решается наилучшим образом. Во-вторых, он подводил к порогу пусть маленького, но настоящего научного открытия, сопереживая вместе с нами ни с чем не сравнимое счастье этого момента. Он называл это «вбить гвоздь» и с удовольствием демонстрировал в публикациях эти «гвозди» как личные достижения своих учеников.

При любой возможности Николай Васильевич знакомил нас с выдающимися исследователями из круга его близких знакомых и друзей. Ещё в аспирантуре мне посчастливилось присутствовать при докладах и острых научных дискуссиях с участием Леонида Филатовича Семерикова, Виктора Александровича Драгавцева, Льва Анатольевича Животовского и других ученых. Это обогащало нас новыми знаниями и ориентировало на нерешённые актуальные проблемы популяционной биологии и смежных наук. Я, например, впоследствии посвятил несколько лет проверке идеи В.А. Драгавцева об идентификации генотипов по фенотипам с помощью «фоновых признаков» на хвойных древесных растениях. Результаты этих совместных исследований мы опубликовали в сборнике статей по итогам одного из популяционных семинаров Николая Васильевича.

Большое влияние на нас оказывало то, что такой маститый учёный, как Николай Васильевич был горячим патриотом России. Он хорошо знал историю науки и всегда подчеркивал вклад в неё отечественных исследователей. Примечательно, что, осознавая важность международной интеграции, он не стремился к публикациям в рейтинговых зарубежных журналах, о чём красноречиво свидетельствует список его публикаций. Его лучшие работы опубликованы на русском языке. Значительную часть своей энергии на последнем этапе жизни он отдал организации Российских популяционных семинаров, создав постоянно действующую «площадку» как для плодотворных научных дискуссий, так и для взаимодействия именитых отечественных ученых с молодыми. Николай Васильевич часто повторял, что в отечественной науке, по хорошему примеру западной, не должно быть периферии. И он стремился её ликвидировать, плодотворно работая в регионах. В этой связи показательна география его популяционных семинаров.

Совокупность выдающихся личных качеств, энциклопедичность и опора на традиции отечественной популяционной школы С.С. Четверикова – Н.В. Тимофеева-Ресовского позволяли Николаю Васильевичу создавать плодотворные творческие коллективы в любом месте. При этом он никогда не помышлял об отъезде из России и о другой работе «ради выживания». В «лихие 90-е» Николай Васильевич говорил мне: «Наш долг – служить науке в любой ситуации».

Формат данной статьи не позволяет остановиться на вкладе Николая Васильевича в развитие генетики и популяционной биологии. Отмечу лишь, что некоторые из его работ опередили время. Прежде всего, это относится к его программной статье о поэтапной оценке генетической гетерогенности популяций в масштабе ареала вида, более полно раскрытой в докторской диссертации. Актуальность разработанного им подхода возросла вследствие бурного развития методов молекулярной генетики и их внедрения в практику оценки генетической изменчивости видов древесных растений. Поэтому мы (Глотов, Видякин, Тараканов) работали над совместной статьёй, в которой планировали осветить данную проблему, но не успели окончить её по причине ухода из жизни вначале Анатолия Ивановича Видякина, а затем и Николая Васильевича. Мой долг перед Николаем Васильевичем и Анатолием Ивановичем – оформить и опубликовать эту работу.

Завершу свои воспоминания о Николае Васильевиче тем, что он, по моему мнению, является самым эффективным последователем своего великого Учителя – Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Для нас – его учеников – Николай Васильевич Глотов является своего рода маяком, по которому можно найти безошибочный курс достойного служения Науке и Отечеству.